

Е. В. ПЧЕЛОВ
(Москва)

«ЧУДО-ДЕРЕВО»
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА:
ВЕРБА В ЦЕРЕМОНИИ ШЕСТВИЯ
НА ОСЛЯТИ В XVI—XVII ВВ.

Аннотация. В статье проанализирована символика вербы в церемонии шествия на осли в Вербное воскресенье в Москве в середине XVI — конце XVII в. Показана семантика украшавших вербу плодов и изменение символики самого дерева — от растительного образа Святой Земли до образа Райского сада.

Ключевые слова: верба, церемония, Вербное воскресенье, плоды и фрукты.

Церемония шествия на осли, изображающая вход Господень в Иерусалим, в Вербное воскресенье в Москве была установлена митрополитом Макарием в середине XVI в. Первое упоминание об этом обряде относится к 1558 г., оно сохранилось в записках английского посла Энтони Дженкинсона. Прообразом московской церемонии было аналогичное шествие в Новгороде, кроме того, с конца 1660-х гг. такие же обряды совершались и в некоторых других русских городах — центрах епархий (Астрахани, Казани, Тобольске и др.), пока в 1678 г. они не были запрещены везде, кроме Москвы, где в церемонии участвовали царь и патриарх. В Москве шествие на осли проводилось до конца XVII в. (по крайней мере, до 1693 г.). Сведения об этом обряде сообщают как иностранные наблюдатели (Адам Олеарий, Павел Алеппский, Августин Мейерберг и др.), так и русские источники (документы Казённого двора).

Исследователи неоднократно обращались к изучению этой церемонии. Так, Б. А. Успенский на основе изучения изменения пути шествия продемонстрировал восприятие Московского кремля как Нового Иерусалима, поскольку первоначально церемония проводилась внутри кремлевских стен (шествие шло от Успенского собора ко Входу-Иерусалимской церкви на Году-

новской улице в Кремле, а затем возвращалось обратно), потом была вынесена за пределы Кремля (от Успенского собора к храму Покрова на Рву, где имелся придел Входа Господня в Иерусалим, и затем возвращалось обратно), и, наконец, с 1656 г. собственно шествие началось за пределами Кремля, у Лобного места, символизировавшего Голгофу (от Успенского собора к приделу Покровского храма шел крестный ход), и направлялось в Кремль, в Успенский собор [Успенский 2006, 90—91]. Целый ряд символических аспектов этой церемонии охарактеризовал Майкл Флайер [Флайер 2008, 367—378]. В частности, он обратил внимание на символику дерева — вербы, определенным образом украшенной, которую везли в начале процессии. Что же представляло собой это дерево?

Вот как описывает его подготовку и «участие» в церемонии И. Е. Забелин [Забелин 1895, 408—413]. «В первой половине XVII в. эту нарядную вербу устраивали на патриаршем дворе из патриаршей казны довольно просто и небогато. Ещё за неделю до праздника в Санном ряду сторожа Успенского собора покупали двои дровни для устройства вербных саней, которые, однако, устраивались на колёсах, как это видно на рисунках у Олеария. О колёсах упоминается и в расходных записках по случаю устройства саней в 1627 г. Посреди тех саней делали особое место или кресло, укрепляли колёсную ступицу для установки на ней дерева вербы. Сторожа, 16 человек, ходили по всей Москве по садам и огородам и отыскивали подходящее дерево. ... Сани, между тем, обивали красным сукном, простыми гвоздями. Дерево при постановке окрепляли к саням ужищами, дабы оно не могло покачнуться на сторону. По сторонам дерева пришивали доски, на чём стоят певчим». Под руководством соборного ключаря на ветви вербы привешивались разные плоды. Таким образом получалось «природное дерево с белыми почками или зелёными листочками, смотря по времени ранней или поздней весны», и с плодами, служившими украшением дерева.

По сообщению Павла Алеппского (1655 г.), в Лазареву субботу «крестьяне 109

привезли на саях ветви дерева, похожего на египетскую иву, которое дало почки без листьев. ... Обрати внимание на промысл Создателя и Его заботу о своём народе в этой стране, ибо, видя, что у них нет не только маслины, но что даже лесные деревья ещё не выпускаются, Он произрастил для них это благословенное дерево с ветвями, как будто у настоящей египетской ивы, дабы не было у них недостатка ни в чём в сравнении со всеми прочими христианами мира» [Павел Алеппский 1898, 173].

С 1668 г. вербу устраивали еще более пышно, чем прежде, что было вызвано отчасти пребыванием в Москве в тот год александрийского и антиохийского патриархов, а позднее особо богатое украшение вербы было в 1672 и 1674 гг. по случаю присутствия на празднике польских и шведских послов. На саях были устроены разноцветные и отчасти вызолоченные решетки и перила, а сами сани обиты красным и зеленым сукном, с прибитыми металлическими плашками и каймами. Оформлением вербы руководил известный дворцовый живописец Иван Безмин.

Затем сани с вербой перетаскивались к Лобному месту (если шествие начиналось отсюда). «Кроме санной большой вербы, — продолжает И. Е. Забелин, — изготовлялась и ручная или пучковая, состоявшая из вербных ветвей, украшенных также овощами, для раздачи духовным и светским властям. Для народа готовились целые возы простых ветвей. Вместе с тем по всей дороге по обе стороны ставили вербные деревья из Конюшенного царского приказа». В 1670-х гг. шесть верб ставили на Спасском мосту, по три с каждой стороны, «на особых подставах, обитых зелёным сукном».

Царь в процессии духовенства и бояр шел из Кремля к Покровскому собору. «Оттуда через четверть часа в том же порядке отправился он на место против крепостных ворот, которое в виде полукружия возвышается с нижней улицы вровень с поверхностью обширнейшей площади перед крепостью, как стена из тёсаного камня» [Мейерберг 1997,

166] — т. е. к Лобному месту. В на-

чале собственно церемонии шествия на осляти патриарх, взойдя на Лобное место, подносил царю ваию, т. е. пальмовые или оливковые ветви, которые для этого случая специально хранились в ризнице Покровского собора, а потом простые ветви вербы, черенки которых были обшиты бархатом. «Такие же ваии и вербы патриарх раздавал духовным и светским властям; младшим государевым чинам и народу раздавали митрополиты одну только вербу» (И. Е. Забелин). «В этой стране никто, кроме царя, не смеет в сей день держать пальмовую ветвь» (Павел Алеппский). Ветви вербы также назывались ваии. Затем с определенными обрядами начиналось само шествие. Сначала шли младшие чины — дьяки, дворяне, стряпчие и стольники, одетые в золотые кафтаны (почему они и назывались в этой церемонии золотчиками), затем везли главную вербу на саях, рядом с которой стояли и пели стихиры патриархии певчие — отроки в белых одеждах (5 отроков по сообщению Дженкинсона, 4 — по известию Олеария, 6 — по данным Павла Алеппского). В те времена, когда шествие на осляти двигалось из Кремля к Покровскому собору и обратно, верба «проде- лывала» весь этот путь. За вербой шло духовенство, думные дьяки, окольниковичи и бояре с ваиями в руках, а затем поддерживаемый под руки боярами государь, который держал повод осляти. Перед царем несли царский жезл, государеву вербу, государеву свечу и царский платок. Когда участники шествия входили в Успенский собор, главную вербу оставляли у южных врат.

После окончания службы патриарх благословлял вербу. Затем две её ветви отрубались и относились в храм. «Здесь их разрезали на мелкие части и положили на серебряные подносы, вместе с изюмом, сахаром и яблоками, и патриарх послал это» царской семье. «Остальные части “древа” разделил между собой народ. Русские имеют большую веру в означенное “древо” и берут части его с большим благоговением. Нам передавали, что оно приносит пользу во всех болезнях, в особенности при зубной боли; если положить кусочек его на большой зуб, то боль проходит» [Павел

Шествие на осли в Москве. Гравюра из книги А. Оллария «Описание путешествия в Московию»

Алеппский 1898, 179]. По окончании действия, отмечает И. Е. Забелин, плоды с вербы патриарх раздавал духовным и светским властям, «а яблоки, самые большие, которых отбирали до 50 штук, он посылал в Верх, к государю и к царскому семейству».

Сама верба украшалась различными плодами. Так, Э. Дженкинсон (1558 г.) сообщает: «Дерево это обильно увешано яблоками, изюмом, фигами и финиками, а также многими другими плодами» [Цит. по: Флайер 2008, 371]. Адам Оларий (1636 г.) упоминает, что на дереве «было нацеплено много яблок, фиг и изюму» [Оларий 2003, 136]. Павел Алеппский (1655 г.) отмечает, что вербу украшали «кисти из изюма, леденцов и множество яблок» [Павел Алеппский 1898, 175]. Подробные сведения о плодах, прикреплявшихся к вербному дереву, собрал И. Е. Забелин. Так, в 1625 и 1627 гг. для украшения вербы использовались следующие «чиновные» овощи (этим словом назывались тогда не только собственно овощи, но и плоды и фрукты):

1. Изюм кафимский (т. е. крымский, из Кафы — Феодосии) — 13 фунтов;

2. Изюм на ветках — 2 фунта;
3. Винные ягоды — 13 фунтов;
4. Орехи грецкие — 300 штук;
5. Рожки браные (цареградские стручки) — 13 фунтов;
6. Финики браные — 4 фунта.

Итого пять видов плодов.

«В 1628 г. к этому прибавлено взамен части рожков 100 яблок да 100 орехов грецких и понемногу изюму, фиников, винных ягод, потому что рожков добрых купить не добыли» (И. Е. Забелин). Яблоки стали постоянно использоваться для украшения вербы с 1634 г. Они были разного размера и их количество доходило до 1000 штук.

С 1668 г. верба получила более пышное убранство. «А верба была нынешнего году устроена по государеву указу благолепно, первый год, а не тако просто, якож в минувших летех, токмо земный овощ имела: яблока, и ягоды изюм, и винные, и рожцы, и орехи обещены. Ныне же вся зеленется, якоже бы сейчас разцвела, листы учинены зеленые и плоды видятся, якобы от земли возрасли...» [Цит. по: Забелин 1895, 409—410]. Существенно, что верба приобрела вид *зеленеющего*

«Верба хлѣс бѣт до слѣз»

дерева. Теперь ее украшали также искусственные зеленые листья, цветы и плоды. Вдова иноземка Катерина Иванова из Немецкой слободы в 1672 г. сделала к большой вербе и к шести малым 24 000 зеленых листьев, 20 дюжин цветов роз, солнечных, тюльпанов, птиц, 445 яблок и груш, 135 вишен и особый «цвет» на железном пруте с разными цветами, золочеными и серебряными листьями и «овощами», который был поставлен посреди саней сверху меж цветами и после церемонии по повелению государя был поднесен польским послам как лучшее украшение вербы. Между листьями и цветами на вербе также сверкали звезды, вырезанные из меди-шумихи. Кроме того, на шелковые шнурки прикреплялись и настоящие плоды. Для этого было выделено: пуд изюма, 1000 грецких орехов, 1400 яблок (из которых 800 мелких). Дерево украшала также и пучковая верба. Все это убранство стоило патриаршей казне более 476 рублей.

В 1674 г. на церемонии присутствовали шведские послы. Катерина Иванова и ее зять Петр Балтус изготовили для вербы большой санный цвет и 10 малых, 32 дюжины цветов тюльпанов, роз, солнечных, гвоздик, нарциссов, птиц, 56 с половиной дюжин померанцев, лимонов, дуль, яблок, груш, слив, 224 места вишен, 42 виноградные грозди и 15 000 зеленых листьев. А другой немец Еремей Иванов сделал еще 12 дюжин цветов, 28 дюжин плодов, 200 вишен и 15 000 листьев. Конечно, верба украшалась не всегда так богато, но все же в этот период весьма пышно. Искусственные украшения и живые плоды предназначались также для убранства нескольких пучковых верб, делавшихся для дворца — к концу XVII в. таких верб было 16.

М. Флайер полагает, что в сознании верующих эти плоды должны были ассоциироваться со Святой Землей, символизировать изобилие и плодородие. Образ такого дерева, по его мнению, имел апокалиптические коннотации [Флайер 2008, 377]. В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит слова из Откровения Иоанна Богослова, где при описании Небесного Иеру-

салима говорится: «Посреде стогны его и по обаполы реки древо животное (*древо жизни*), еже творит плодов дванадесяте (*двенадцать раз приносящее плоды*), на кийждо месяц воздая плод свой (*дающее на каждый месяц плод свой*): и листвие древа во исцеление языком (*и листья дерева — для исцеления народов*)» (22: 2). Однако прямой аналогии в данном случае нет. Во-первых, плоды на древе Небесного Иерусалима не одновременны, а появляются один за другим — в каждом месяце свой плод. Во-вторых, как видим, на московской вербе не было именно 12-ти различных плодов. В ранний период таких плодов было 5 или 6 видов. В более поздний — значительно больше, но точное число видов, вероятно, не было принципиальным. В-третьих, в древе Небесного Иерусалима целебной силой обладают не плоды, а листья, в то время как листьев на московской вербе первоначально не было (с конца 1660-х гг. появились только искусственные). Сама же по себе вера в целительные свойства дерева Вербного воскресенья имеет древние народные истоки и напрямую не связана с апокалиптическими образами. Кроме того, следует учитывать и специальное благословение московской вербы патриархом.

Между тем, набор плодов для московской вербы, безусловно, не был случайным. Причем семантика самого этого «чуда-дерева», по-видимому, менялась со временем. Представляется возможным выделить здесь два периода: ранний, когда верба не имела вида зеленеющего и цветущего дерева, и поздний, когда дерево стали украшать искусственными листьями, цветами, плодами, птицами и звездами, наподобие будущей рождественской елки.

«Ранняя» верба. Можно согласиться с М. Флайером, что в этот период — с середины XVI по конец 1660-х гг. — московская верба являла собой растительный образ Святой Земли. Однако плоды, ее украшавшие, были не просто связаны с флорой Святой Земли, а имели вполне конкретную библейскую семантику.

Изюм. Изюм, как известно, представляет собой сушеный виноград. В Еван-

гелии от Иоанна (15: 1—3) с виноградной лозой сравнивается Христос: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; а всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам». Виноградное вино — символ крови Христа. Однако в контексте праздника Вербного воскресенья определенное значение, по-видимому, имела Притча о работниках на винограднике, которую Иисус рассказал своим ученикам перед входом в Иерусалим (Евангелие от Матфея, 20: 1—16). Здесь виноградник символизирует Царство Небесное, а работа в нем сродни «возделыванию» собственной души на пути к спасению.

Винные ягоды. Они же фиги, смоквы, инжир. Смоковница имеет примечательную особенность — плоды на ней появляются раньше листьев. И это растение также связано с входом Господним в Иерусалим. В Евангелиях рассказ о бесплодной смоковнице приурочен к следующему дню после входа в Иерусалим (Евангелие от Матфея, 21: 18—22; Евангелие от Марка, 11: 13—14). Иисус не увидел плодов на зеленеющем дереве, на котором были только листья, сказал: «да не будет же впредь от тебя плода вовек», и смоковница засохла. Московская же верба, напротив, являла собой как бы плодоносящую смоковницу — смоковницу, символизирующую плоды веры во всемогущего Господа. «Если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что со смоковницею», — говорил Иисус ученикам.

Символизовала смоковница и надежду на Спасение и веру в милосердие Спасителя. В Евангелии от Луки, говоря о покаянии, Иисус рассказывает притчу о другой бесплодной смоковнице (13: 6—9): «Некто имел в винограднике своём посаженную смоковницу, и пришёл искать плода на ней, и не нашёл. И сказал виноградарю: “вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице, и не нахожу; сруби её: на что она и землю занимает?” Но он сказал ему в ответ: “господин! ос-

тавь её и на этот год, пока я окопаю её и обложу навозом, — не принесёт ли плода; если же нет, то в следующий срубишь её».

Грецкие орехи. Сложнее обстоит дело с интерпретацией символики грецких орехов. Само ореховое дерево упоминается в Библии только один раз в Песни Песней (6: 11), да и то в виде орехового сада: «Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?» Мог ли орех символизировать в культуре Московского царства, например, крепость в вере, сказать трудно.

Рожки. Зато более «прозрачна» символика плодов рожкового дерева. По преданию, его плодами питался в пустыне Иоанн Креститель (почему рожки и назывались иногда хлебом Св. Иоанна). Вообще рожки считались пищей бедняков, ими кормили свиней, и остатками рожков от свиней хотел насытиться Блудный сын: «Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Евангелие от Луки, 15: 14—16). Рожки, таким образом, могли символизировать покаяние. Возможно также, что они выступали своего рода метафорой хлеба и наряду с изюмом, символизовавшим виноград, символически означали приобщение к Господу, соотносясь с таинством Евхаристии. Замечу, что притча о Блудном сыне опять-таки одна из самых известных притч Христа (как и о работниках на винограднике).

Финики. Финики — плод финиковой пальмы, а именно пальмовыми ветвями встречали Христа, входящего в Иерусалим.

Таким образом, большинство плодов, украшавших московскую вербу, семантически было связано с историей входа Господня в Иерусалим и с символикой укрепления в вере и покаяния. Верба являла собой не бесплодную, а «плодовитую» смоковницу — имея только плоды, но без листьев, это дерево как бы зримо

демонстрировало подлинную веру и покаяние жителей Московского царства.

Яблоки. Яблоки появились на вербе позднее. По своей природе они не относятся к растениям, характерным исключительно или преимущественно для южных широт, т. е. сами по себе они не принадлежали к символическому образу Святой Земли. Между тем, христологическая семантика этого символа чрезвычайно значительна. Поскольку именно яблоко считалось плодом от древа познания добра и зла, который вкусили Адам и Ева, то оно символизировало и искупление первородного греха Иисусом (яблоко, например, — один из частых атрибутов Христа в композиции «Мадонна с младенцем» в европейской живописи). Мне представляется, что введение яблок в убранство вербы было шагом к переосмыслению символики самого этого наряженного дерева — переход от образа «плодовитой» смоковницы к дереву — образу Райского сада.

«Поздняя» верба. Во всей полноте образ Райского сада воплотился в московской вербе во второй половине XVII в. Это дерево стало уже не просто деревом, а деревом и с плодами, и с листьями, и с цветами, и даже с птицами. Оно превратилось в дерево зеленеющее, на котором одновременно расцветают цветы, раскрывается листва и созревают плоды. Все процессы жизни растительного мира здесь происходят одновременно. В этом дереве соединяются разные времена года — и весна, и лето, и осень. А плоды совершенно разнообразны, и их набор включает растения разных широт. Здесь и апельсины-померанцы, и лимоны, и груши, и вишни — кажется, все плоды, какие только возможны. Дерево приобретает универсальный «флористический» характер. Это дерево — сад, своего рода символ Райского сада в Москве, подобно тому, как отсылали к образу Райского сада в XVII в. и сады Московского Кремля, верховые и набережные, где росли яблони и груши, красная смородина и виноград [см.: Чёрный 2010, 92–98]. Таким образом, семантика московской вербы расширилась, приобрела более «универсальный» характер. Теперь уже раздача плодов этой вербы была не просто приобщени-

ем к празднику Вербного воскресенья, к Иерусалиму и Святой Земле, но и к Раю. И эти плоды могли исцелять болезни, подобно тому как вера исцеляет грехи.

Что же послужило причиной изменения этой семантики? По всей видимости, большое значение здесь имело присутствие в Москве православных восточных патриархов. Именно перед лицом полноты православной церкви важно было продемонстрировать образ Москвы не только как Нового Иерусалима, но и как столицы Христианского мира — воплощения надежды на Спасение и образа Рая на земле.

Источники и литература

Мейерберг 1997 — *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII — XX вв. М., 1997. С. 43–184.

Олеарий 2003 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 2003.

Павел Алеппский 1898 — Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном Павлом Алеппским / пер. Г. А. Муркоса. Вып. 3. М., 1898.

Забелин 1895 — *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895.

Успенский 2006 — *Успенский Б. А.* Обряд хождения на осляти в Вербное воскресенье и восприятие Московского кремля как Нового Иерусалима // Международная юбилейная научная конференция, посвящённая 200-летию Музеев Московского Кремля. Тезисы докладов. М., 2006. С. 90–91.

Флайер 2008 — *Флайер М.* Увидеть — значит поверить. Семиотика «судьбы» и «династии» в Московской Руси // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 362–378.

Чёрный 2010 — *Чёрный В. Д.* Русские средневековые сады: опыт классификации. М., 2010.

Summary. *The article analyses symbolism of pussy willow in the Muscovite Palm Sunday Ritual in the 16th–17th centuries. The article describes semantics of fruits on the pussy willow and transformation of symbolism of this tree — from vegetable image of the Holy Land to image of the Garden of Eden.*

Key words: *pussy willow, ritual, Palm Sunday, fruits.*